

УДК 343.13

В статье проанализированы некоторые проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе, подвергаются научной оценке последние законодательные изменения в части регулирования данной стадии. Особое внимание уделено проблемам достаточности признаков преступления как основания для возбуждения уголовного дела. Кроме этого, затрагиваются криминалистические вопросы, связанные с осуществлением следственных и иных процессуальных действий на рассматриваемом этапе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; основание возбуждения уголовного дела; производство процессуальных действий.

The article analyzes some of the problematic aspects of primary stages of a criminal case in the Russian criminal trial. The latest legislative changes in the regulation of this stage are subjected to scientific assessment. Particular emphasis is given to issues of the adequacy of evidence of a crime as a basis for criminal proceedings. In addition, forensic issues related to the implementation of investigative and other procedural actions in the consideration stage of the criminal proceedings are addressed.

Key words: criminal proceedings; basis for a criminal case; production of proceedings.

А. Ф. Соколов, А. Г. Кулев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: kulev1984@mail.ru

E-mail: afsokolov@mail.ru

Достаточность данных, указывающих на признаки преступления, как основание возбуждения уголовного дела

Научная статья

A. F. Sokolov, A. G. Kulev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: kulev1984@mail.ru

E-mail: afsokolov@mail.ru

Sufficient Data Indicating Signs of a Crime as the Basis for a Criminal Case

Scientific article

Сформированным и устоявшимся постулатом в науке уголовно-процессуального права является утверждение о том, что возбуждение уголовного дела — первоначальная и обязательная стадия уголовного процесса, задачами которой являются: 1) установление компетенции по принятию решения о возбуждении уголовного дела; 2) определение того, что источник информации о преступлении является законным поводом для возбуждения уголовного дела; установление основания для производства по уголовному делу — наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления [1, с. 491].

Следует, однако, заметить, что в последнее время специалистами в области уголовного процесса

ставится под сомнение существование в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК) рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства и высказываются идеи о полной ее ликвидации. Анализ различных взглядов по этому вопросу привел нас к выводу, что поводом к таким умозаключениям послужили изменения и дополнения, внесенные в УПК Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23 ФЗ¹.

Основные доводы сторонников устранения стадии возбуждения уголовного дела сводятся к следующим. Во-первых, авторы апеллируют к истории отечественного уголовно-процессуального законодательства, подчеркивая, что ни Устав уголов-

¹ Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875

ного судопроизводства 1864 года, ни УПК РСФСР 1923 года не закрепляли такого вида решения, как отказ в возбуждении уголовного дела; незнаком он и многим зарубежным процессуальным законам, за исключением ряда государств бывшего СССР [2, с. 7]. Во-вторых, некоторые ученые рассматривают «доследственную проверку» сообщения о преступлении, которая является неотъемлемой составляющей стадии возбуждения уголовного дела, как некий суррогат, неполноценный клон, стадии предварительного расследования [3, с. 56—57]. В третьих, констатируется, что при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которое по данным представленной статистики предваряет значительное время, потраченное на проверку сообщения о преступлении, нарушается конституционное право потерпевшего от преступления на доступ к правосудию ввиду указанной волокиты в деятельности органов уголовного преследования, занимающихся проверкой сообщений [4, с. 44—46]. Существуют и другие заявления нигилистического отношения к рассматриваемой стадии уголовного процесса, относящиеся к нарушениям сроков ее реализации, ее экономической невыгодностью [2, с. 8].

Не умаляя авторитетности высказанных доводов в пользу исключения стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельного института уголовно-процессуального права, позволим с ними не согласиться. Стадия возбуждения уголовного дела служит своеобразным «фильтром», который позволяет отсеивать те материалы проверки сообщения о преступлениях, в которых не содержится достаточного основания для возбуждения уголовного дела, а значит, и запуска всех механизмов уголовно-процессуальных средств, ограничивающих конституционные права граждан. «Суррогатом» предварительного расследования рассматриваемая стадия процесса не является, несмотря на расширение круга следственных действий, которые допускается производить в силу законодательных изменений, рассматриваемых ниже. Не может служить поводом для исключения этой стадии ее комплексный характер, включающий в себя уголовно-процессуальную, оперативно-розыскную и административно-процессуальную природу.

Разумность срока уголовного судопроизводства — это проблема всего уголовного процесса и, в частности, его судебных стадий, а не только возбуждения уголовного дела. Цену же вопроса

исключения из закона анализируемой нами стадии, если говорить об экономических аспектах проблемы, «подсчитал» А. Г. Волеводз [5, с. 82—83]. Кроме того, по мнению С. А. Шейфера, до 57 % доказательств, на которые ссылаются следователи в обвинительном заключении, добываются на стадии возбуждения уголовного дела, причем последующие из них являются в основном производными от ранее полученных [6, с. 96].

Поэтому при доводах «за» и «против» существования стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельного правового института мы придерживаемся позиции «за».

Перейдем к сущности проблемы достаточности данных, указывающих на признаки преступления, как основания возбуждения уголовного дела. Часть 2 ст. 140 УПК гласит: основанием для возбуждения дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Термин «достаточный» означает: «удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям»; достаточный повод, оправдывающий что-нибудь [7, с. 162]. Следует отметить, что, на наш взгляд, правильнее использовать в законе термин не «данные, указывающие на признаки преступления», а «данные, указывающие на признаки состава преступления». Уже на стадии возбуждения уголовного дела соответствующее должностное лицо, вынося постановление о возбуждении уголовного дела, осуществляет предварительную квалификацию преступления, отражая ее в резолютивной части соответствующего процессуального документа [8, с. 8]. Квалификация же преступления, в свою очередь, есть «установление и закрепление в соответствующем уголовно-процессуальном акте предусмотренности (непредусмотренности) выявленного деяния составу определенного преступления» [9, с. 13].

Тем самым, возбуждая уголовное дело, следователь, дознаватель усматривают в деянии лица или лиц, известных или неизвестных, достаточные признаки состава преступления. Естественно, что вывод об их наличии носит предположительный характер с разной степенью выраженности, но основания для начала производства предварительного расследования имеются.

К сожалению, порочной является сложившаяся практика установления на рассматриваемой стадии уголовного процесса чуть ли не всех признаков состава преступления. Органы уголовного

преследования страхуют себя тем самым от возможного прекращения уголовного дела в будущем, так как статистика прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям традиционно рассматривается как «брак» в работе правоохранительной системы [10, с. 15].

Уголовно-процессуальный закон не требует установления всех признаков состава преступления на этой стадии судопроизводства. Можно согласиться с мнением, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела требуются лишь вероятностные суждения о наличии в общественно опасном деянии признаков состава преступления и причастности к его совершению определенного лица [1, с. 518; 11, с. 65].

Поэтому полагаем, что отказываться от наличия в УПК стадии возбуждения уголовного дела нецелесообразно. Нужно менять практику ее применения, в том числе за счет законодательных новелл, речь о которых пойдет ниже.

В настоящее время ч. 1 ст. 144 УПК, устанавливающая перечень возможных действий, направленных на закрепление следов преступления, претерпела значительные изменения.

Так, при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов...

Однако процессуальная регламентация указанных действий в целом далека от совершенства и нуждается в дополнительной детализации.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ были внесены изменения в УПК, касающиеся, в частности, порядка назначения судебных экспертиз. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 195 УПК судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела. Казалось бы, положен конец многолетней дискуссии о возможности (необходимости) производства судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела [12, с. 8—11; 13, с. 20]. В целом,

не вдаваясь глубоко в анализ положений «за» и «против», заметим, что мы поддерживаем эту идею законодателя. Так, производство именно судебной экспертизы, а не «предварительного исследования», в силу того что эксперт предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 УК за дачу заведомо ложного заключения, в большей степени гарантирует защиту прав и свобод граждан при производстве данного исследования.

Однако думается, что подход законодателя к решению проблемы, на первый взгляд прогрессивный и направленный на упрощение процедуры производства судебных экспертиз и достижение процессуальной экономии, не отличается комплексным характером.

Во-первых, допущение производства всех без исключения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела выглядит необоснованным. Полагаем, что подобное решение, скорее всего, приведет к тому, что на стадии возбуждения уголовного дела будут назначаться и производиться не только экспертизы, необходимые для принятия процессуальных решений (о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении), но и судебные экспертизы, направленные на доказывание отдельных обстоятельств дела. В существующей ситуации возможно почти полное расследование дела ещё на стадии проверки, что недопустимо, так как может повлечь откровеннейшую работу «на статистику» (уместно вести речь о возбуждении только «беспроектных» дел — возможен отказ от возбуждения дела, в судьбе которого возникают сомнения на основании проведенной судебной экспертизы).

В связи с этим мы поддерживаем мнение ряда ученых [14, с. 121], согласно которому допущение возможности производства следственных действий до возбуждения уголовного дела, в частности производства судебных экспертиз, должно быть избирательным, но при этом считаем, что законодателю следовало бы дополнить УПК положением о том, что в случаях, когда результат судебной экспертизы имеет значение для возбуждения уголовного дела судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела. Иначе существующая норма закона в ее настоящем виде способствует появлению ещё большей волокиты при рассмотрении сообщения о преступлении: появляется ещё один повод для продления срока проверки до 30 суток

в соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ. Не исключена ситуация, что в том случае, если следователь или дознаватель попросту не успевает провести проверку по поступившему сообщению о преступлении, они могут просто назначить не самую необходимую экспертизу, которая послужит поводом для продления срока проверки.

В соответствии с ч. 5 ст. 57 УПК РФ эксперт за дачу заведомо ложного заключения несёт уголовную ответственность по ст. 307 УК РФ. Но если обратиться к данной статье УК РФ, то из нее непонятно, распространяется ли на эксперта уголовная ответственность за дачу заведомо ложного заключения на стадии возбуждения уголовного дела. Эта проблема однозначно должна быть решена путём внесения изменений в уголовный закон.

Еще одной проблемой, на наш взгляд, является проблема, связанная с оценкой заключения эксперта, полученного в стадии возбуждения уголовного дела. Законодателем предусмотрено несколько вариантов устранения возникающих противоречий.

Во-первых, в соответствии с ч. 1 ст. 205 УПК («Допрос эксперта») следователь вправе по собственной инициативе либо по ходатайству лиц, указанных в части первой статьи 206 УПК, допросить эксперта для разъяснения данного им заключения. Во-вторых, на основании ст. 207 УПК могут быть назначены дополнительная и повторная судебные экспертизы.

И вот здесь возможны определенные трудности. Так, производство допроса любого участника (в том числе эксперта) до возбуждения уголовного дела не допускается. Следовательно, устранение всех неясностей и противоречий в заключении эксперта возможно только путем назначения повторной или дополнительной экспертизы, что влечет за собой вопрос о допустимости их производства в стадии возбуждения уголовного дела. Ответ на этот вопрос имеется в ч. 3 ст. 207 УПК, на основании которой дополнительная и повторная судебные экспертизы назначаются и производятся в соответствии со статьями 195—205 УПК.

Таким образом, производство дополнительной и повторной судебных экспертиз по инициативе следователя допустимо и до возбуждения уголовного дела, однако, скорее всего, приведет к еще большему затягиванию сроков доследственной проверки.

При этом в соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК в случаях возникновения сомнений в обоснован-

ности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту. В ряде случаев поиск другого эксперта также приведет к увеличению сроков проверки поступившего сообщения о преступлении.

В целом положительным моментом нововведений УПК является закрепление в ч. 1.2 ст. 144 УПК нормы, которая гласит, что если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению.

С одной стороны, данное положение закона приведет к тому, что по большинству дел стороной защиты будут заявляться обязанности к удовлетворению ходатайства о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы; с другой стороны, норма ч. 1.2 ст. 144 УПК может явиться противовесом, который будет сдерживать тотальное назначение и производство судебных экспертиз в стадии рассмотрения сообщения о преступлении.

Поскольку Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ установлена возможность получения образцов для сравнительного исследования до возбуждения уголовного дела, ст. 202 УПК также нуждается в дальнейшем совершенствовании. Так, по нашему мнению, следует шире трактовать ст. 51 Конституции РФ, считая дачу своих образцов (почерка, голоса) как дачу показаний в отношении себя. В этой связи встает вопрос о допустимости принудительного получения образцов для сравнительного исследования.

Отдельные авторы считают, что получение экспериментальных образцов допускает применение принуждения, поэтому требуется вынесение органом расследования постановления о производстве данного процессуального действия [15, с. 273]. Однако, в отличие от ст. 179 УПК, в которой прямо указано, что «постановление об освидетельствовании обязательно для лица, в отношении которого оно вынесено», ст. 202 УПК такого положения не содержит.

Полагаем, что для наличия правовой возможности принудительного получения образцов для сравнительного исследования в ст. 202 УПК по аналогии со ст. 179 УПК требуется отразить,

что постановление следователя является обязательным для лица, у которого получают образцы. При наличии такой нормы мы склонны поддерживать мнение некоторых ученых о том, что в случае отказа лица предоставить образцы для сравнительного исследования добровольно, они могут быть получены принудительно на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК [16, с. 118].

Анализируя возможные имеющиеся процессуальные формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, мы солидаризируемся с В. М. Быковым в том, что законодатель ошибочно не включил в ч. 1 ст. 144 УПК норму, позволяющую использовать на стадии возбуждения уголовного дела специальные знания в форме заключения специалиста, что могло бы в некоторых случаях значительно сократить срок проверки сообщения о преступлении [17, с. 46—47].

Отсутствие четкой регламентации в ст. 144 УПК порядка изъятия предметов и документов также создает определенные трудности в правоприменении. Например, сотрудники Следственного комитета при проверке сообщения о преступлении опираются на положение ст. 144 УПК о праве изымать предметы и документы в порядке, установленном настоящим Кодексом, на основании чего ими делается вывод о возможности производства выемки до возбуждения уголовного дела, которую они и производят.

Изъятие предметов преступления до возбуждения уголовного дела при фактическом задержании лица, не являющегося подозреваемым, поскольку оно еще не задержано в порядке ст. 91—93 УПК, также вызывает неоднозначные оценки в теории и практике. Так, например, М. В. Куценко полагает, что, опираясь на положения ст. 15 Федерального закона «Об ОРД» возможно принудительное изъятие предметов (в конкретном случае — предметов взятки) до возбуждения уголовного дела [18, с. 75]. Однако наряду с констатацией урегулированности исследуемой проблемы, он все-таки предлагает внесение в ст. 184 УПК соответствующих изменений, а именно изложение ч. 2 ст. 184 УПК в следующей редакции: «Личный обыск может быть произведен без соответствующего постановления при фактическом задержании лица, задержании подозреваемого или заключении его под стражу...» [18, с. 75].

У нас имеются возражения против такой позиции. Во-первых, личный обыск является действием, существенно затрагивающим права гражданина, что в целом подтверждается позицией законодателя, установившего необходимость судебного решения для производства личного обыска. Во-вторых, отсутствует системность предлагаемых изменений УПК. В связи с этим, наряду с изменением ст. 184 УПК, необходимо внести изменения в перечень следственных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, дополнив его таким, как личный обыск.

Таким образом, для решения обозначенных ранее проблем, возникающих при проверке сообщения о преступлении, необходимо совершенствовать порядок назначения судебной экспертизы; ввести такую процессуальную форму, как заключение специалиста: регламентировать порядок изъятия предметов и документов, в том числе принудительного, у лица, отказывающегося добровольно их выдать.

Ссылки

1. Уголовный процесс: Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. 799 с.
2. Гаврилов Б. Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21. С. 5—11.
3. Кругликов П. А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном процессе России // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56—58.
4. Каретников В. А., Коретников С. А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 41—46.
5. Волеводз А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80—83.
6. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. 240 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1972. 944 с.
8. Кочои С. М. Постановление о возбуждении уголовного дела: соответствует ли практика закону // Адвокат. 2015. № 6. С. 7—11.

9. Благоев Е. В. Квалификация преступлений (теория и практика). Ярославль, 2003. 212 с.
10. Ильохов А. А. Доследственная проверка и вопросы, возникающие в ходе ее проведения на стадии возбуждения уголовного дела, в рамках дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей // Российский следователь. 2014. № 19. С. 13—17.
11. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 2: Преступления против личности / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 682 с.
12. Сучков А. В. К вопросу о необходимости назначения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Эксперт-криминалист. 2012. № 3. С. 8—11.
13. Орлов Ю. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2003. № 9. С. 19—23.
14. Сорокотягина Д. А., Сорокотягин И. Н. Теория судебной экспертизы: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 336 с.
15. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 12-е изд., перераб. и доп. / под ред. Б. Т. Безлепкина. М.: Проспект, 2014. 560 с.
16. Брагер Д. К. Вопросы тактико-правового характера при принудительном получении образцов для сравнительного исследования // Социогуманитарный вестник. 2012. № 1 (8). С. 115—121.
17. Быков В. М. О назначении судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 46—50.
18. Куценко М. В. Принудительное изъятие предмета взятки лица, задержанного с поличным, до возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2015. № 9. С. 68—75.